

I. «Вечный мир»:
мирные договоры и борьба за мир после Первой мировой войны

Эгберт Ян

Сто лет попыток установления прочного мира (1914 -2014)

*1. Изменение представлений о возможности сохранения мира в результате
Первой мировой войны и раскола рабочего движения*

Можно ли на примере прошедших ста лет обнаружить тенденцию к установлению продолжительного мира во всем мире? Или же правы те, кто говорит: войны будут всегда, пока существуют люди? В вопроснике, который я как-то раздал студентам, 102 человека, (65,4 % из 156 присутствовавших), поставили в соответствующей графе крестик. Только 32 человека (20,5 % опрошенных), согласились с утверждением, что «войну, как специфическую смертоносную форму конфликта за порядок в сообществе и между сообществами» можно ликвидировать, и что «в будущем, возможно, удастся установить прочный мир во всем мире». Еще 17 человек (10,9 % опрошенных), выразили свою уверенность в том, что война, понимаемая как политическое учреждение, в соответствии с приведенной выше формулировкой, сможет быть ликвидирована в будущем.¹

До 1914 года оптимистическая вера в прогресс была распространена гораздо шире, чем в настоящее время. Ужасы и бедствия Первой Мировой войны вызвали у людей шок от осознания того, до чего могла докатиться человеческая цивилизация. Крах представлений о прогрессе как об исключительном благе и добре, усиленный ужасами коммунистических и национал-социалистических концентрационных лагерей, а также бедствиями Второй Мировой войны, - все это вместе взятое, вероятно, очень надолго уничтожило оптимистическое отношение к историческому прогрессу. Начиная с августа 1914 года, уже никогда больше не возникало столь

---

¹ Соответствующее процентное соотношение в этом нерепрезентативном опросе для пенсионеров составляет соответственно 71,1 %, 18,6 % и 9,3 %. Пять участниц отказались ответить на вопросы.

широкой антивоенной оппозиции с участием парламентских партий и массовых движений в странах, правительства которых готовились воевать друг с другом. В большинстве случаев диктатура в одном или в обоих готовых к войне государствах или союзах государств не допускала даже малейшего проявления сколько-нибудь достойного упоминания сопротивления предстоящей войне.

Самым мощным общественным антивоенным движением до 1914 года было социалистическое рабочее движение, проводившее до самого конца июля 1914 года митинги протеста против угрозы надвигающейся войны. Однако вскоре после начала войны оно раскололось на две главных ветви – социал-демократическую и коммунистическую, к которым добавились многочисленные мелкие группировки. Последствия этого раскола были ужасающими. Социалисты разных стран, которые еще 23 ноября 1912 года вместе рукоплескали Манифесту,² призывавшему к сохранению мира, и пели свой общий гимн – «Интернационал», всего лишь несколько лет спустя, заняли в ходе разгоревшейся во многих странах гражданской войны, позиции по разные стороны баррикад. Одержав победу в нескольких странах, коммунисты встретились с социал-демократами лицом к лицу, как враги, в том числе в ходе войны между государствами, и, наконец, в годы Холодной войны стали угрожать друг другу взаимным истреблением при помощи атомного оружия. Это не мешало социалистам всех направлений по-прежнему рассматривать в качестве своей политической цели достижение прочного и продолжительного мира во всем мире, но представления о мире социал-демократов стали несовместимыми с представлениями о нем коммунистов. Безоговорочные пацифисты, то есть противники всякой войны, представляли в обеих ветвях рабочего движения всего лишь крошечное меньшинство, руководствовавшееся, в большинстве случаев, религиозными мотивами.

---

² Имеется в виду Базельский манифест - документ, принятый на IV Внеочередном конгрессе Второго (Социалистического) Интернационала, состоявшемся 24—25 ноября 1912 в Базеле (Швейцария). – *прим. перев.*

Коммунисты, в соответствии со своими программными установками, хранили верность представлениям Первого и Второго Интернационалов, согласно которым прочный и продолжительный мир во всем мире может быть обеспечен лишь в условиях победившего социализма, необходимой предпосылкой которого является революционная ликвидация капиталистического экономического строя. После того, как предпринятая коммунистами в 1917-1923 гг. попытка осуществить мировую революцию потерпела неудачу, а на значительной части бывшей Российской империи утвердилась коммунистическая Советская власть, - готовность к защите военными средствами Советского Союза, объявленного коммунистами «отечеством» всех пролетариев мира, само собой, стала обязанностью коммунистов всего мира.³ Советский Союз был, в свою очередь, обязан оказывать «братскую (военную) помощь» революционным движениям, действовавшим в пока еще капиталистических странах. Этому принципу, однако, в новом коммунистическом государстве очень скоро перестали следовать, ввиду прагматической оценки связанных с его применением внешнеполитических рисков: Советский Союз не был готов поставить на карту свое существование, превращая всякое коммунистическое восстание в войну международного размаха.

С конца 1940-х годов треть человечества проживала в 15, а затем в 16 государствах, у власти в которых стояли национал - коммунистические режимы. С 1948 года, в ходе неоднократных расколов мирового коммунистического движения на борющиеся между собой и представляющие друг для друга военную угрозу партии и государства, - например, Советский Союз, Югославию, Китай, Вьетнам, Камбоджу - все коммунисты на словах по-прежнему хранили верность своей программе установления мира во всем мире, на деле же весь их интернационализм превратился в идеологию, направленную на обеспечение своих собственных национальных интересов. Так и Советский Союз использовал Третий, или Коммунистический,

---

³ Braunthal, Julius Geschichte der Internationale, Band 2, Berlin/Bonn-Bad Godesberg, 1974. S. 275-283.

Интернационал (1919-1943) в качестве инструмента своей внешней политики.

Социал-демократическое ответвление рабочего движения утратило единые представления о мире, после того как в 1914 году сделало выбор в пользу национального военного патриотизма. Его правое крыло во всех странах перешло к поддержке прагматической внешней политики, допускавшей ведение войны при необходимости защиты отечества. Эта поддержка распространялась также и на защиту колониальных владений своего отечества, до тех пор пока социал-демократические партии уже после Второй Мировой войны не внесли важный вклад в распад колониальных империй.

После сделанного социал-демократами выбора в пользу парламентской демократии, социал-реформизма, а, вскоре, и в пользу реформированного капитализма, левое крыло социал-демократических партий приняло на вооружение главные требования движения борцов за мир. Они состояли в следующем: создании Лиги Наций, укреплении международного права в сфере обеспечения мира, развитии международных организаций, ограничении гонки вооружений и введении международных (арбитражных) судебных инстанций, обеспечивающих сохранение мира. Таким образом, левое крыло социал-демократии стало главной опорой пацифизма⁴ - умеренной части традиционного, руководствующегося положениями международного права движения сторонников мира, оставлявшего за собой возможность выступить в поддержку войны. На уровне отдельно взятого государства - войны, как средства защиты своего отечества, и на международном уровне - войны, как средства осуществления международных санкций в отношении какого-либо государства,

---

⁴ Карл Холл отметил, что историография континентальной Европы использует выражения «борьба за мир» и «пацифизм» как синонимы, тогда как англосаксонская историография под пацифизмом подразумевает непереносимое противодействие войне. См.: Holl, Karl 1988: Pazifismus in Deutschland, Frankfurt, S. 18. Пацифизм в рамках международного права обозначается как Интернационализм. На мой взгляд, разумнее использовать общую терминологию, предполагающую различие между отказом от войны (безоговорочный Пацифизм) и, так называемым *Пацифицизмом* (Pazifizismus) по терминологии Мартина Сидела (Martin Ceadel), обозначающий условный пацифизм.

нарушающего международное право. Эдуард Бернштейн, Карл Каутский и многие политические деятели, состоявшие в британской партии лейбористов, принадлежали к числу активных протагонистов данного направления, ярким представителем которого еще до 1914 года был Ялмар Брантинг.⁵ Безоговорочные пацифисты составляли в социал-демократической среде ничтожное меньшинство, их деятельность была заметна разве что в рядах британской Лейбористской партии, корни которой уходили в христианский социализм.

Движение борцов за мир активно выступало в поддержку парламентской демократии, причем многие активисты этого движения боролись и за социальные реформы. Таким образом, перед либералами и социал-демократами открылась возможность сотрудничать в одних и тех же организациях. Движение борьбы за мир, получившее значительную леволиберальную и не менее сильную социал-демократическую окраску, окончательно осознало всю важность влияния на общественное мнение, наряду с возможностью давать власть имущим советы. Однако этому движению никогда не удавалось определять политический курс той или иной страны и даже добиться большинства в близких ему по духу партиях, не говоря уже об обществе в целом. Нигде оно не сумело добиться решающего влияния на проекты в области вооружений или на принятие решения об объявлении войны. Оно подвергло резкой критике Парижские мирные договоры (как дающие импульс к развязыванию Второй мировой войны), критиковало возникшую в 1920 году Лигу Наций (как союз империалистических держав-победительниц), и требовало разоружения не только стран, побежденных в войне, но и держав-победительниц. Чем больше представителей социал-демократических партий входило в состав правительства (ради чего им приходилось идти на компромисс) и, тем самым, брало на себя ответственность за внешнюю политику, политику в

---

⁵ Degen, Bernhard (ред.) Gegen den Krieg. Der Basler Friedenskongress 1912 und seine Aktualität. Basel, 2012. S. 128.

военной области и в области вооружений, - тем более оппозиционной становилась позиция движения борьбы за мир в отношении социал-демократических партий.

После 1945 года многие социал-демократические, и, в меньшей степени, либеральные партии, снова приблизились к требованиям борцов за мир, однако политические лидеры этих партий могли или хотели оказывать на это движение значительно меньшее влияние, чем в период между двумя мировыми войнами. Развитие движения борцов за мир все больше и больше шло по пути превращения в конгломерат эфемерных внепарламентских временных объединений индивидуумов и мелких организаций, выступавших против отдельных проектов в области вооружений и войн. До сих пор оно было не в состоянии вести концептуально ориентированные дебаты, подобные тем, которые велись до и после Первой Мировой войны. Следовательно, для того, чтобы понять развитие механизма войны и мира в прошедшем столетии и научиться понимать его в будущем, необходимо рассмотреть также позиции других общественно-политических сил.

2. Одновременный рост «варварства» и «цивилизованности» мирового сообщества после 1914 года

Итоги периода столетнего развития человеческой истории с момента начала Первой Мировой войны представляются весьма неоднозначными. На протяжении этого столетия одновременно шли два процесса: как рост цивилизованности, так и рост чудовищного варварства. Начиная с эпохи окончания Наполеоновских войн (1792-1815 гг.) вплоть до 1914 года многие люди, придерживавшиеся совершенно разных политических взглядов, верили в неудержимый прогресс, ведущий человечество от варварства, то есть, от социальной и экономической отсталости и господства грубого насилия, к гуманной цивилизации и высокой нравственности. Идея прочного и продолжительного мира во всем мире (выдвинутая поначалу либералами,

но затем подхваченная и социалистами), противоречившая господствовавшему до тех пор повсюду в мире статическому представлению о вечности и неизбежности войны в человеческом обществе, начала распространяться среди широких слоев населения. В результате чего, начиная с 1918 года, удалось добиться создания - нередко даже консервативными общественными силами - важных новых учреждений, с целью подготовки установления прочного и долговременного мира во всем мире.

За период с 1900 по 1987 год в результате вооруженных столкновений в ходе двух Мировых войн⁶, а также примерно 300-400 локальных войн погибло примерно 34 миллиона человек. За этот же период в ходе бесчисленных зверских расправ с гражданскими лицами и военнопленными около 110 миллионов человек были убиты коммунистами, около 21 миллиона - национал-социалистами и примерно 2 миллиона – демократами.⁷ Таким образом, за указанный период, как в абсолютных, так, возможно, и в относительных цифрах, жертвами политического насилия пало значительно больше людей, чем в прежние времена.⁸ Большинство массовых убийств было совершено в годы внешнеполитических военных конфликтов и гражданских войн, однако некоторые из них совершались и в мирное время, - например, в Советском Союзе. Наиболее кровавыми стали годы Первой Мировой войны и последовавших за нею войн (1914-1923), в России и в Турции, а также и Вторая Мировая война с последовавшими военными конфликтами – например, в Греции, Вьетнаме и Корее, вплоть до консолидации системы Восточного и Западного блоков в 1955 году. Диктатуры, стоявшие у власти во многих воюющих странах, не допускали

---

⁶ Разброс в оценке количества погибших просто огромен, что вызвано также и различным пониманием военной терминологии и не вполне ясные эмпирические данные о результатах применения политического насилия. См.: Ferdowsi, Mir A.: Kriege seit dem Zweiten Weltkrieg // Knapp, Manfred/ Krell, Gert (ред.) 1996: Einführung in die Internationale Politik. Studienbuch, 3. Aufl., München/ Wien, S. 308.

⁷ Данные заимствованы из: Rummel, Rudolph J. Power, Genocide and Mass Murder, in: Journal of Peace Research. 1994. V. 31/ 1, P. 4-6. Критику военной статистики см. Pinker, Steven 2011: Gewalt. Eine neue Geschichte der Menschheit, Frankfurt, S. 478.

⁸ Сомнительность относительных данных в другие эпохи см. Pinker, Steven 2011: Gewalt. Eine neue Geschichte der Menschheit, Frankfurt, S. 296.

возникновения даже минимальных предпосылок к проведению в Японии, Китае, Германии, Франции и Советском Союзе совместных политических антивоенных акций протеста, подобных тем, которые были возможны, скажем, в Базеле в 1912 году.

О каком-то разоружении на протяжении последних ста лет не может быть и речи. Научно-технический прогресс обеспечивает не только постоянный рост, но и, в первую очередь, постоянное возрастание военных мощностей, а также усовершенствование техники производства средств уничтожения. Правда, современное оружие массового уничтожения, обладает определенным устрашающим воздействием, как в военное, так и в мирное время, что вынуждает его обладателей опасаться его использовать. Если в годы Первой Мировой войны еще широко применялось газовое оружие, то уже в годы Второй Мировой его применения удалось почти полностью избежать. Ядерная угроза, вне всякого сомнения, в немалой степени способствовала недопущению перерастания начавшегося после 1945 года конфликта между Востоком и Западом в третью Мировую войну, что особенно ярко проявилось в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 года.⁹ Этот кризис, грозивший перерасти в новую мировую войну, удалось урегулировать лишь благодаря соответствующим решениям, принятым двумя людьми – президентом США Дж.Ф. Кеннеди и фактическим главой Советского Союза Н.С. Хрущевым, чьими консультантами были всего лишь две-три дюжины политических деятелей и военных. Мнения народов и парламентов в ходе принятия этих решений никто не спрашивал, а уж о мобилизации широких слоев общества против угрозы надвигающейся войны, как до 1914 года, не могло быть и речи.

Невзирая на рост варварства в XX веке, в этом столетии были предприняты также шаги в направлении установления прочного и продолжительного мира во всем мире. Причем эти шаги были связаны с

---

⁹ См. Письмо Хрущева Кеннеди от 26.10.1962 и пометку Кеннеди, что одна его ошибка может стоить жизни 200 миллионам людей. Beschloss, Michael R. 1991: The crisis years: Kennedy and Khrushchev 1960-1963, New York, 1991. P. 516-520 и 523.

возросшим пониманием необходимости проведения миролюбивой политики в среде консервативных и либеральных политических деятелей, создавших учреждения, призванные поддерживать мир и гарантировать его обеспечение на основе собственного исторического опыта, развития политической мысли и тех проблем современности, с которыми им пришлось столкнуться. Они сделали возможным создание Лиги Наций, а впоследствии – Организации Объединенных Наций. Устав Лиги Наций объявил войну делом всего сообщества государств и разработал, в основных чертах, принципы коллективной безопасности. Кроме того, в нем были предусмотрены процессы, направленные на предотвращение войн и на мирное урегулирование конфликтов, а также на обеспечение защиты этнических и национальных меньшинств. Осуждение наступательной, агрессивной войны в пакте «Бриана-Келлога» 1928 года¹⁰, ознаменовало собой непревзойденный по значению прогресс в области международного права. Об этом можно говорить, даже несмотря на то, что начавшееся вскоре после заключения этого пакта вторжение Японии в Манчжурию в 1931 году стало прологом эры новых агрессивных и завоевательных войн, а система коллективной безопасности продемонстрировала свою неэффективность и дело закончилось Второй Мировой войной.

С 1945 года можно говорить о возникновении отдельных регионов мира, в которых шел постоянный прирост общественного богатства, условия жизни людей значительно улучшались, а продолжительность жизни увеличивалась. В некоторых странах жили уже целые поколения людей, которым не пришлось ни разу в жизни принимать активное или пассивное участие в какой-либо войне. Мирная внутригосударственная и международная организация жизни людей добилась несомненного прогресса. Если Лига Наций была еще организацией капиталистических государств,

---

¹⁰ Пакт Бриана-Келлога (Парижский пакт) — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, получивший название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога, был подписан в августе 1928 года представителями 15 государств (позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны). – *прим. перев.*

которым коммунисты противопоставляли собственный проект всемирной международной Советской республики с СССР в качестве главной силы, то в Организацию Объединенных Наций (ООН), наряду с капиталистическими демократиями и диктатурами, входили и **бюрократически-социалистические диктатуры**. *Хотя право вето, которым обладал постоянный Совет Безопасности, значительно ограничивало дееспособность ООН*, что в то же время не допускало развала этой международной организации. Тем не менее, не только Карибский кризис, но и целый ряд других проблемных моментов в отношениях между Востоком и Западом - например, кризисы 1948-49, 1961 и 1973 гг., - наглядно продемонстрировали всю реальность угрозы Третьей мировой войны. В ходе всех этих кризисов ни рабочее движение, ни движение борьбы за мир, не смогли даже в малой мере способствовать их урегулированию. Урегулирование кризисов было исключительно заслугой проявивших здравый смысл глав правительств.

Ядерная угроза была лишь одним из факторов, обеспечившим успех в деле недопущения новой мировой войны после 1945 года. Вероятно, гораздо более важную роль сыграли два других фактора: после военного поражения и ликвидации фашистских и родственных фашистским режимов в Италии, Германии и Японии ни одна из великих держав больше не проводила политику территориальной экспансии. Великие державы ограничились своим аппетитом экономическим и политическим проникновением в определенные сферы влияния, не исключая кратковременных военных интервенций. Данное обстоятельство имело решающее значение для придания ООН большей стабильности по сравнению с Лигой Наций, для которой была характерна постоянная смена членства. Хотя фашистские и коммунистические диктатуры весьма походили друг на друга в плане используемой ими жестокой техники поддержания своего господства, однако у либеральных демократов и коммунистов имелись общие представления о необходимости установления прочного и продолжительного мира во всем мире, невзирая на несовместимость их представлений о том,

каким этот мир должен быть. Последнее обстоятельство было для них немалым подспорьем в деле урегулирования общими силами многих кризисов, – например, в октябре 1962 года.

3 Раскол антивоенного движения и движения борцов за мир

Еще более раздробленным, чем рабочее движение, оказалось движение борцов за мир, сразу же после начала Первой Мировой войны расколовшееся на самые разные группы. Вследствие чего образовался широкий спектр время от времени непримиримо враждовавших между собой, а порой сотрудничавших организаций борцов за мир. В результате чего важной составной частью обеспечения мира стала не только демократия, но и социальная справедливость. Лишь в нескольких странах образовались рыхлые объединения организаций борцов за мир, не обладавшие достаточными функциями для руководства движением.¹¹ Лишь немногим организациям удалось сформировать международные объединения, имевшие федеративную структуру.¹²

На протяжении последних десятилетий постоянно возникали недолговечные движения протеста против отдельных войн, против отдельных типов войн или против отдельных проектов в области вооружений, неизменно оказывавшиеся не способными реально влиять на решения властей. Одна из главных разделительных линий, расколовших движение борцов за мир, вот уже два столетия отделяет безоговорочных, радикальных, крайних пацифистов от пацифистов умеренных, допускающих войну с определенными оговорками и при определенных обстоятельствах. Последних некоторые авторы именуют «белли-пацифистами»¹³, а Мартин Сидел (Martin Seadel) называл их - «пацифицистами». Среди последних,

---

¹¹ Например, Немецкий Картель за Мир (das Deutsche Friedenskartell), просуществовавший, однако, только с 1920 по 1929 год, и распавшийся вследствие внутренних противоречий, см. Holl, Karl 1988: Pazifismus in Deutschland, Frankfurt, S. 189-196.

¹² Например - Международное Бюро за Мир (das Internationale Friedensbüro), Международный Союз Примирения (der Internationale Versöhnungsbund), Интернационал Отказывающихся Нести Военную Службу (die Internationale der Kriegsdienstverweigerer), Международная Женская Лига за Мир и Свободу (die Internationale Frauenliga für Frieden und Freiheit).

¹³ От латинского слова «беллум» (bellum), означающего «война» - прим. перев.

как и среди членов Социалистического Интернационала (Социнтерна), большинство составляют те, кто, в полном соответствии с уставом ООН считают оправданными в правовом и моральном отношении, как национальную оборонительную войну (с целью защиты собственной страны от внешней агрессии, в том числе и в союзе с другими странами), так и войну как средство обеспечения международных санкций.¹⁴ В соответствии с этой установкой, они выступают не за всеобщее и полное разоружение, но лишь за вооружение с целью обороны, или даже за минимальное ядерное разоружение, с сохранением ядерного арсенала, достаточного для устрашения потенциального военного агрессора. Меньшинство из них допускают также гражданскую войну с целью защиты существующих, гарантированных международным правом и конституцией прав и свобод, в случае если некие общественные силы стремятся эти права и свободы значительно ограничить или вовсе ликвидировать. Некоторые из них допускают даже гражданские войны, как средство осуществления прав и свобод человека в государствах с диктаторскими режимами, считая законной также международную военную интервенцию как средство защиты от крайних проявлений нарушения прав человека или с целью свержения диктаторов. Особенно эта тенденция заметна начиная с 1991 года, с тех пор, как уменьшилась угроза эскалации военной интервенции до уровня мировой войны.

Подавляющее большинство участников движения борцов за мир на протяжении последних двух столетий неизменно составляли «белли-пацифисты», они же - «пацифисты», в то время как безоговорочные пацифисты все это время составляли лишь незначительное меньшинство (хотя в рядах движения за мир их было больше, чем в рядах

---

¹⁴ О якобы введенном Организацией Объединенных Наций всеобщем запрете на применении насилия (вопреки частым, но ложным, утверждениям) не может быть и речи. В абзаце 4 статьи 2 Устава ООН содержится запрет лишь на применение одной, специфической формы насилия. В статье 51 и статье 42 Устава ООН признаются законными как национальная оборонительная война, в качестве естественного права, так и война как средство осуществления международных санкций, введенных по решению Совета Безопасности ООН, хотя при этом избегается употребление слова «война».

Социалистического Интернационала). После 1914 года движение сторонников мира претерпело два фундаментальных изменения, заслуживающих внимания. Во-первых, речь идет о распространении индивидуального отказа от несения военной службы (ОНВС), практиковавшегося еще членами «Церквей за мир» и многочисленных христианских сект до 1918 года. Эти «отказники» нередко предпочитали несению военной службы даже грозившее им за это многолетнее тюремное заключение. В Великобритании в 1914 году 16 500 британцам удалось легально отказаться от несения военной службы. В 1918 году право на отказ от несения военной службы было узаконено и в некоторых других государствах. Создание национальных организаций ОНВС в нескольких странах послужило стимулом к основанию «Пако» («*Paco*» - «мир» на международном языке эсперанто) – организации, предшествовавшей учрежденному в 1921 году Интернационалу Противников Военной Службы. Отказ от несения военной службы может быть обусловлен принципиальным неприятием войн всех видов, порой связан с неприятием специфических видов войн – например, империалистических завоевательных войн, или военной интервенции. Замена армий на основе всеобщей воинской обязанности высокоспециализированными профессиональными армиями с колоссальным разрушительным потенциалом в значительной степени выбила почву из-под ног у сторонников индивидуального отказа от несения военной службы, поскольку до сих пор повсюду находится достаточно добровольцев, готовых служить в профессиональной армии.

Начиная с 1920-х гг. в сознание и в практику международного движения борцов за мир вошла новая форма сопротивления: различные формы ненасильственных акций, в частности, «отказ от сотрудничества», или «несотрудничество» (Non-Cooperation), и гражданское неповиновение (ограниченное нарушение закона). Они практиковались Мохандасом К. Ганди и его сторонниками по индийскому национально-освободительному движению и были направлены, в первую очередь, не против войны, а против

социальной и политической, в том числе и узаконенной, несправедливости. Тем не менее, эти методы оказались востребованными некоторыми сторонниками борьбы за мир, пропагандировавшими их применение в качестве средства сопротивления гонке вооружений, военной угрозе и оккупационным режимам. Но, в общем и целом, воздействие Ганди и гандизма как образца для подражания для борцов за мир оказалось крайне незначительным как в период между двумя Мировыми войнами, так и после 1945 года.¹⁵

Возникновение коммунистической, а затем фашистской и национал-социалистической диктатуры, поставило движение борцов за мир перед лицом почти неразрешимых проблем. В результате заключения пакта «Молотова-Риббентропа» и союза между национал-социализмом и коммунизмом в 1939-1941 гг. оказались совершенно сбитыми с толку как антикоммунисты, так и антифашисты, входившие в ряды движения борьбы за мир в демократических государствах Запада.¹⁶

Для многих империалистический характер германской политики территориальной экспансии стал очевиден только после оккупации Богемии (Чехии) и Моравии в марте 1938 года. В то время как большинство умеренных пацифистов во Франции, Великобритании и странах Бенелюкс настроились на новую оборонительную войну и, самое позднее, с этого момента выступили с одобрением наращивания вооружений в своих странах, многие французские пацифисты продолжали хранить верность идее примирения между Францией и Германией, причем даже после поражения Франции в мае 1940 года. Как после 1914, так и после 1939 года многие пацифисты в демократических странах Запада перешли на позиции военного

---

¹⁵ О весьма неоднозначной реакции различных общественных группировок в Германии на идеи Ганди см. Jahn, Beate 1993: *Politik und Moral: Gandhis Herausforderung für die Weimarer Republik*, Kassel: zur Rezeption in Großbritannien siehe Caedel, Martin 1980: *Pacifism in Britain 1914-1945. The Defining of a Faith*, Oxford, S. 29, 88-90, 128, 250-252.

¹⁶ Caedel 2000: *Semi-Detached Idealists. The British Peace Movement and International Relations*, Oxford, S. 326; Ingram, Norman 1991: *The Politics of Dissent. Pacifism in France 1919-1939*, Oxford, S. 179-245. О разбросе мнений среди членов французской Социалистической партии см. Gombin, Richard 1970: *Les socialistes et la guerre. La S.F.I.O. et la politique étrangère entre les deux guerres mondiales*, Paris – La Haye, S. 230-254.

патриотизма в духе национального оборончества – некоторые навсегда, другие только до 1945 года.

Как после Первой, так и после Второй Мировой войны настроения в духе «Впредь больше никакой войны!» господствовали в широких слоях населения очень недолго. «Холодная война» и возникшая уже в период Берлинского кризиса 1948-49 гг. угроза «горячей» войны между Советским Союзом и Западными державами, а также попытки СССР превратить западное движение сторонников мира в орудие советской военной политики - вновь поставили движение борцов за мир перед старой дилеммой неравномерного влияния сторонников мира разных стран на свои правительства. Чем сильнее, пусть даже относительно, во время конфликта становится движение сторонников мира по одну сторону фронта, тем больше выгод это приносит партии сторонников войны по другую сторону.

Несмотря на пресечение всякого движения сторонников сохранения мира на коммунистическом Востоке, существовало четыре фактора, которые дали возможность, прежде всего в морально-интеллектуальном плане, существовать западному движению борцов за мир, обладавшему следующими специфическими свойствами:

1. Пришедшая с опытом уверенность в том, что Запад играет ведущую роль в области военных технологий, в особенности, в секторе ядерного оружия, способствовала распространению представлений о возможности поэтапного разоружения. Выступая застрельщиком не пологого разоружения, страны Запада не подвергали опасности ослабить этим принципиальную обороноспособность своей страны. Одновременно это позволило развиваться в некоторых западных странах движению против ядерных вооружений, достигшему в определенный период немалого размаха («движению Пасхальных маршей», или «Пасхальному движению за мир»).

---

¹⁷ Otto, Karl A. 1979: Vom Ostermarsch zur APO. Geschichte der außerparlamentarischen Opposition in der Bundesrepublik 1960–1970. Frankfurt am Main/New York 1979.

2. Восприятие Советского Союза как великой державы, находящейся в обороне, способствовало возникновению уже в 1950-е гг. движения сторонников мира, выполнявшего, начиная с Карибского кризиса 1962 года и усилившегося в Европе с конца 1960-х годов, важную интеллектуально-политическую функцию подготовки путей к разрядке напряженности между Востоком и Западом.

3. Наличие как на Западе, так и на Востоке запасов ядерных вооружений достаточных для тотального взаимного уничтожения, способствовало с конца 1960-х годов широкому развитию антиядерного пацифизма, направленному частично не только против ядерного, но также против химического и биологического оружия массового уничтожения.

4. Неизмеримое военное превосходство западных держав в их колониальных и постколониальных конфликтах позволяло существовать в странах Запада движению борцов за мир, направленного против военной политики их собственных правительств, но ни в малейшей степени не угрожавшей ослабить обороноспособность их собственных стран. Впрочем, приобретшее большой размах в США и в других странах Запада движение против войны в Индокитае, несомненно, сыграло решающую роль в деле недопущения заключения Западом мира с позиций победителя. Успех этого движения на протяжении еще долгого времени оказывал решающее влияние на готовность США к военной интервенции.

В ходе процесса крушения единоличного господства коммунистических партий в странах Европы в ее восточной части возникли движения сторонников мира, сторонников охраны окружающей среды и, наконец, движения за гражданские права, взявшие на себя инициативу в области демократизации своих обществ, что придало дополнительный вес движениям борцов за мир в странах Запада. После краха коммунистических режимов и распада СССР исчезла угроза эскалации локальных войн и их перерастания в мировую войну.

На протяжении последнего столетия антивоенному движению лишь однажды удалось предотвратить серьезную военную угрозу. Проведенная в конце Первой мировой войны и после ее окончания, главным образом, социал-демократами, антивоенная кампания под лозунгом «Руки прочь от Советской России!»¹⁸ не дала шанса для долгосрочной британской и французской военной интервенции, направленной против еще слабого тогда режима большевиков и тем самым невольно расчистила путь к установлению впоследствии диктатуры Ленина-Сталина.

Успехом многих антивоенных движений косвенным образом можно считать то обстоятельство, что им удалось помешать собственным правительствам втянуть страну в военный конфликт и избежать раскола общества вследствие возникновения широкой антивоенной оппозиции во всех слоях населения. Аналогичные успехи можно отметить и у других противников гонки вооружений, которые хотя часто и не добивались своей непосредственной цели – к примеру, недопущения «довооружения» НАТО ракетами средней дальности в период 1980-83 гг., - но, тем не менее, сумели побудить свои правительства к проявлению большей сдержанности в отношении проектов в области вооружений.

Как на закате режима апартеида в Южной Африке, так и при ликвидации многих других диктатур на Востоке Европы - проявилась вся мощь ненасильственных движений протеста. Однако успехи этих движений послужили хорошим уроком для других диктаторских режимов, принявшихся подавлять их на еще более ранних стадиях и с еще большей беспощадностью. Последнее обстоятельство, в свою очередь, сыграло на руку общественным силам, пришедшим к выводу, что правящие режимы, опирающиеся на насилие, может быть побеждены оппозицией только с помощью ответного насилия. И движения, первоначально отвергавшие

---

¹⁸ О революционных настроениях, господствовавших повсюду в Европе при начале этой кампании в Лондоне 9 февраля 1919 года, незадолго до образования Венгерской и Баварской Советских республик повсюду в Европе революционных настроениях, см. Edward Hallett 1971: *The Bolshevik Revolution 1917-1923*, Bd. 3, London, S. 135 f.; см. также: Caedel, Martin 1980: *Pacifism in Britain 1914-1945. The Defining of a Faith*, Oxford. P. 55.

насилие, были оттеснены на задний план партиями, стремившимися развязать гражданскую войну. О подобном сценарии развития можно говорить в Косово до 1999 года и в Сирии, начиная со второй половины 2011 года. В целом, в общественном сознании все еще незначительно укоренилось понимание того, что бесчисленное множество напоминающих фашистские, коммунистических, абсолютистско-монархических и военно-диктаторских режимов было свергнуто за последние сорок лет в результате ненасильственных революций.

4. Несовместимость и совпадение различных направлений стремления к миру

Несовместимость различных направлений борьбы за мир исходит, с одной стороны, из несоответствия различных заостренных в догматизме учений о причинах войн. Данный фактор сыграл губительную роль и при расколе движения сторонников мира на фракции. Во-вторых, в последние десятилетия под миром все чаще понимается нечто большее, чем «не война», или «отсутствие войны». Иными словами, понятие «мир» наполняется дополнительным общественно-политическим содержанием, которое неизбежно противоречиво. Под ним понимается свобода, справедливость, демократия, социализм, социальная рыночная экономика, самоопределение народов, равноправие полов и еще многое другое¹⁹. Отвергая «не-войну», или «отсутствие войны», как «псевдо-мир», во имя подлинного или «позитивного» мира, иные борцы за мир способствуют возникновению раскола в сфере борьбы за мир различных общественно-политических сил. Нередко они объявляют законной готовность к войне ради какого-либо «позитивного» мира, как будто «негативный» мир, то есть, в их понимании, «не-война», «отсутствие войны» - какое-то страшное зло. Хотя люди в большинстве своем желают мира, они, тем не менее, готовы вести войну против тех, кто желает иного мира, чем они.

---

¹⁹ См. Brock, Lothar 2006: Was ist das ‚Mehr‘ in der Rede, Friede sei mehr als die Abwesenheit vom Krieg? // Sahn, Astrid/ Sapper, Manfred/ Weichsel, Volker (ред.): Die Zukunft des Friedens. Band 1: Eine Bilanz der Friedens- und Konfliktforschung, 2. Aufl., Wiesbaden, S. 95-114.

Еще в XIX веке было принято разделять понятие «мир» от других, сопутствующих ему коннотаций. Хотя сторонники мира, в большинстве своем, всегда хотели добиться, кроме мира, и еще чего-то большего, к примеру, - отмены рабства, свободы торговли, гражданских свобод, национальной независимости и свободы, демократии и т.д., - они неизменно связывали их с миром, говоря о «мире и свободе», «мире и демократии», «мире и справедливости», то есть о *pax et justiti* (мир и справедливость), но не о *pax justa* («справедливом мире») и не о «демократическом мире». Сегодня также имеет смысл выступать и бороться не только за мир, но и за другие ценности и цели. Однако, избегая чрезмерно «позитивного» понятия мира, можно облегчить сотрудничество между людьми, стремящимися, кроме мира, к самым различным целям, часто несовместимым с целями других борцов за мир. Войны между Востоком и Западом удалось избежать благодаря сотрудничеству между демократами и диктаторами, ведь диктатуры тоже часто заинтересованы в мире, как «не-войне», или «отсутствии войны».

5. Возможные альтернативы многомерной политики сохранения мира

Каковы же сделанные лично мной политические выводы из исторического опыта, накопленного в области войны и мира, который мне удалось кратко, в общих чертах, обрисовать в настоящей статье? Прежде всего, я полагаю, что узкое, часто с осуждением именуемое «негативным», понимание мира является наиболее рациональным, поскольку оно позволяет добиться согласия между совершенно разными общественно-политическими силами, сходящимися только в одном: в понимании необходимости недопущения и ликвидации войны. Соответственно, под прочным и продолжительным миром следует понимать такой международный общественно-политический порядок или строй, при котором больше не будет происходить войн, вне всякой зависимости от того, как этот порядок будет выглядеть. В этом понимании мир – это «не война», и, в первую очередь, не что иное, как «не война». В условиях мира, порой, существуют вопиющее неравенство,

рабство, угнетение, эксплуатация, повседневное насилие, преступность, бедность, голод, нищета и моральное разложение. Однако опыт ненасильственных движений показал, возможность успешной борьбы против всех этих ужасных явлений и без применения силы оружия, хотя такая борьба нередко длится дольше, чем война.

Однако существует и одно важное исключение из этого правила: массовые убийства или истребление населения (демоцид)²⁰, можно сказать, что «мир» практически невозможен в условиях общества допускающего массовые общественно-политические убийства. Мир, в условиях которого государственной властью осуществляются или допускаются массовые убийства – единственный мир, для прекращения которого война является оправданной, как с этической точки зрения, так и – во все возрастающей степени – с точки зрения международного права.

Из анализа войн последних ста или двухсот лет, да и предшествовавшей им долгой истории войн, невозможно вывести рационального, научно обоснованного доказательства невозможности установления прочного и продолжительного мира. Следовательно, такой мир продолжает оставаться целью, к которой должны стремиться все разумные люди. Такой общественно-политический институт, как рабство, введенный несколько тысяч лет тому назад, удалось ликвидировать только в XIX столетии²¹. Такой общественно-политический институт, как война, значительно старше. Он возник несколько десятков тысяч лет тому назад²² и характеризуется гораздо большей живучестью, чем рабство. Но его существование диктуется не природной необходимостью, а особенностями культуры, и потому возможно общество без войны. Если удастся избежать Мировой войны, которая, вероятно, породила бы новый мировой порядок, тогда мир во всем мире можно представить себе лишь в форме долгосрочного состояния «не войны»

---

²⁰ Понятие «демоцид» было введено Рудольфом Й. Руммелем. О различиях между понятиями «демоцид», «геноцид», «социцид» и «политицид» см. Jahn, Egbert 2004: Der Holodomor im Vergleich. Zur Phänomenologie der Massenvernichtung, in: Osteuropa 54, Heft 12, S. 22.

²¹ Об истории рабства см. Everett, Susanne, Geschichte der Sklaverei, Augsburg. 1998.

²² Об истории войны см. обзор: Jahn, Egbert 2012: Frieden und Konflikt, S. 54-60.

между вооруженными для оборонительной войны и готовыми к такой войне национальными государствами, поскольку люди, в большинстве своем, как и прежде не исключают возможность войны в случае военного нападения на их национальное государство.

Под эгидой постоянно реформирующейся и развивающейся системы Организации Объединенных Наций многие национальные сообщества уже научились не допускать агрессивных войн со стороны своих государственных образований. В будущем необходимо избегать и таких ситуаций, в которых два государства или два союза государств могли бы счесть для себя возможным и допустимым ввязаться в двустороннюю оборонительную войну. Подобная ситуация возникла в ходе Карибского кризиса. В настоящее время подобную ситуацию создает стремление Ирана стереть с географической карты Израиль как государство и как территорию, населенную преимущественно евреями, а также угроза Израиля начать превентивную оборонительную войну с целью уничтожения иранских ядерных установок.

Вне всякого сомнения, ядерное устрашение не раз способствовало недопущению развязывания войн и смягчению форм ведения военных действий в ходе уже начавшихся военных конфликтов. Однако тут возникает следующая проблема: не облегчит ли полное ядерное разоружение, - то есть, не просто сокращение арсеналов ядерного оружия, а полный отказ от него, - развязывание и ведение войн с использованием обычного оружия? Эта проблема подтверждает базовый тезис статьи: мир невозможно установить путем одностороннего или всеобщего разоружения. Наоборот, разоружение станет возможным только после сохранения мира на протяжении нескольких десятилетий. Это не исключает возможности одностороннего и согласованного на международном уровне сокращения военных арсеналов до уровня, безопасного для сохранения обороноспособности соответствующих государств.

В отличие от лидеров рабочего движения 1912 года сегодня никто уже не говорит о какой-то одной, отдельно взятой, причине возникновения войн – например, о капиталистическом экономическом строе. Существует лишь одна общая предпосылка войны – воля людей вести войну. Поэтому необходимо создавать такие общественно-политические структуры, в рамках которых больше не возникало бы воли к агрессивной войне или к двусторонней оборонительной войне. Волю к сохранению мира способны проявлять как диктаторы, так и демократы, как христиане, так и мусульмане или атеисты, как капиталисты, так и социалисты, как предприниматели, так и работники наемного труда и многие другие общественные группы. Не существует никаких крупных социальных образований, социальных классов или наций, избранных и предопределенных свыше к тому, чтобы «нести миру мир». Вероятно, мир во всем мире станет результатом сочетания совершенно разных и по большей части противоречащих друг другу представлений о мире, единых лишь в одном: не добиваться и не сохранять мира при помощи войны.

Данное обстоятельство делает возможным и необходимым проведение многомерной политики по сохранению мира. Такая политика должна будет предусматривать сотрудничество самых разных общественно-политических миролюбивых сил, начиная с государственных учреждений – правительств, парламентов, судов, армии, полиции – и кончая всевозможными общественными силами – партиями, объединениями, религиозными общинами, профессиональными союзами, педагогами etc. В идеальном случае, это должна быть скоординированная политика разных миролюбивых сил, но, в действительности, это будет, скорее всего, неосознанным сотрудничеством.

Главная ответственность за недопущение войны и за успех миротворческой деятельности будет по-прежнему лежать на тех, кто обладает властью и средствами, необходимыми для ведения войны, вне зависимости от того, пришли ли они к власти в составе правительств, или в результате

демократических выборов в составе способных вести гражданскую войну организаций, или путем узурпации власти и установления диктатуры. Другие силы, не обладающие средствами насилия, должны выяснить для себя, могут ли они оказать влияние на решения власть предержащих в деле сохранения мира, или же заменить их другими лицами, настроенными, вне всякого сомнения, миролюбиво. В зависимости от занимаемого коллективными или индивидуальными миролюбивыми силами общественно-политического положения, они могут действовать по-разному. Готовность к ведению национальной оборонительной войны с целью защиты собственной страны, в обозримом будущем, вероятно, не исчезнет. Лишь меньшинство готово защищать свои национальные и социальные свободы от чужеземных захватчиков исключительно ненасильственными средствами. Представляется маловероятным, что в отдельных странах, и уж тем более во всем мире, это меньшинство превратится в большинство, способное добиваться политическими средствами принятия своих убеждений всеми остальными. Поэтому, вероятно, умеренный пацифизм (или пацифицизм), а не безоговорочный пацифизм, будет играть решающую роль в деле установления и поддержания прочного и продолжительного мира во всем мире.

Таким образом, главное предназначение ненасильственных движений – таких, как «Арабеллион»²³ в Египте и в Тунисе – заключается не столько в защите, или обороне, собственной страны, сколько в отрешении от власти недемократических режимов, поддерживаемых или терпимых лишь меньшинством. Кроме того, такого рода движения способны защищать существующие социальные и политические свободы от узурпирующих власть диктаторов – как это было, например, во время Капповского путча в

---

²³ Употребленный автором неологизм «арабеллион» (Arabellion) составлен из слов «араб» (Araber) и «реbellion» (Rebellion), что означает по-немецки «восстание», а все вместе – «Арабское восстание».. Имеется в виду так называемая «Арабская весна» - волна демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 года. - прим. перев.

Германии в марте 1920 года²⁴ или во время путча «гражданской гвардии» в Испании в феврале 1981 года²⁵. Начиная с 1970х годов успешный опыт преодоления диктатур разного рода вселяет надежду на то, что впредь все чаще будет удаваться избегать таких гражданских войн, как в Ливии и Сирии. Безоговорочные пацифисты, как и до 1939 года в Европе, будут вынуждены проводить различие между партиями, ведущими агрессивную и оборонительную войну, используя свой политический вес для того, чтобы склонить чашу весов в пользу одной или другой стороны.

Насилие, применяемое для угнетения, не то же самое, что насилие, применяемое для освобождения. Популярное изречение, что насилие порождает лишь насилие, в историческом плане попросту ложно. Ворота Освенцима были распахнуты перед последними выжившими заключенными не пацифистами, а солдатами, одержавшими победу в оборонительной войне. Своевременная военная интервенция в Руанду, вероятно, могла бы спасти жизнь сотен тысяч людей, хотя, возможно, принесла бы смерть тысячам других. Мохандас К. Ганди трижды в жизни пошел на войну добровольцем, поскольку до 1920 года пребывал в убеждении, что Великобритания защищает в войне правое дело, и пожелал поддержать ее в этом силой оружия.

б. Тенденция к стабилизации института ограниченной войны

Какое же развитие получат война и мир в предстоящие десятилетия? Начиная с 1991 года, угроза третьей, ядерной, Мировой войны значительно уменьшилась, но не была полностью ликвидирована. Экономический, политический и военный подъем Китайской Народной Республики может, в случае если китайская Коммунистическая партия еще долго останется у

---

²⁴ Капповский путч (путч Каппа-Люттвица) - военный мятеж, предпринятый немецкими консервативными силами во главе с крупным прусским юнкером Вольфгангом Каппом и генералом Вальтером фон Люттвицем в 1920 году против правительства Веймарской республики и потерпевший неудачу в результате всеобщей забастовки рабочих и отказа чиновников и служащих сотрудничать с путчистами – *прим. перев.*

²⁵ Имеется в виду провалившаяся попытка ультраправого государственного переворота, в Испании, предпринятая 23 февраля 1981 года полковником испанской жандармерии («гражданской гвардии») Антонио Техеро Молина – *прим. пер.*

власти, привести к новому общественно-политическому конфликту между Востоком и Западом, к конфликту между автократическими режимами различной ориентации и западными демократиями. В случае подобного конфликта, в него окажутся втянутыми большинство стран мира, что создаст опасность Третьей Мировой войны.

Экономическая, политическая и военная мощь США, будет, вероятно, все дальше ослабевать. Хотя ядерные арсеналы США и России были значительно сокращены, одновременно произошло дальнейшее распространение ядерного оружия и возникли новые ядерные державы (Индия, Пакистан, Северная Корея), а другие страны (например, Иран), вероятно, находятся в процессе превращения в ядерные державы. Многочисленные международные конфликты, как известные уже давно, так и еще не наметившиеся сегодня, могут перерасти в региональные войны, с угрозой их дальнейшей эскалации. Перманентный прогресс военной науки, техники и технологии, связанных с производством все новых видов вооружений, будет направлен, в первую очередь, не на увеличение потенциала средств уничтожения, а на разработку средств целенаправленного и ограниченного использования новых, все более разрушительных, высокоточных видов оружия. С одной стороны, это обстоятельство снижает угрозу всеобщей войны на уничтожение, с другой, - подразумевает превращение войны, ограниченной по времени, охвату и применению военной техники, в постоянный институт. Таким образом, третья Мировая война становится, пока что мало вероятной, однако, ограниченные, с точки зрения использования имеющихся видов вооружений, локальные и региональные войны, по-прежнему в высшей степени возможны. Они будут по-прежнему ежедневно вестись во многих частях света.

Сегодня мировое сообщество плотно связано воедино различными СМИ. Это обстоятельство способствует тому, что по сравнению с 1912 годом, войны и конфликты в разных частях света вызывают массовые антивоенные протесты – как, например, более чем десяти миллионный протест 15 февраля 2003

года, перед началом военной интервенции США с союзническими государствами в Ираке. Поэтому будут постоянно возникать разрозненные движения протеста против войны и гонки вооружений. Когда произойдет их сплочение в одно единое движение за мир во всем мире, действующее постоянно и последовательно во всех 196 странах мира, пока что сказать невозможно, однако стремиться к этому следует

.

Йорн Леонард

Конец империй и триумф национального государства? Мирные договоры после 1918 года и новый международный порядок

1. Введение: Парижские мирные договора и преемственность насилия¹

У начала конца войны стоял Вудро Вильсон. Разрабатывая в январе 1917 года свою модель будущего нового мирового порядка, американский президент считал, что в основе этого порядка должно будет лежать, в качестве предпосылки, прежде всего, право на национальное самоопределение и равноправие малых народов с великими державами: «Ни одна нация не должна стремиться распространить свою власть на любую другую нацию или на любой другой народ...каждому народу должна быть предоставлена свобода самому определять свою форму правления, свой путь развития, беспрепятственно, безопасно, безбоязненно, малому народу наравне с великим и могущественным».² Свою роль сыграли и результаты проведенного Вильсоном анализа причин Первой Мировой войны, которые он усматривал в том, что в Европе угнетались многие национальности. В феврале 1918 года Вильсон заявил: «Причины этой войны коренятся в непризнание прав малых наций и национальностей, которым не хватало сплоченности и сил для того, чтобы осуществить свое стремление самим определять, кому им быть лояльными, и формы своей политической жизни».³

В исторической ретроспективе можно сказать, что ход и окончание Первой Мировой войны, завершившейся распадом великих империй Европы, ознаменовали собой не только триумф демократии в ее «западном»

---

¹ Jörn Leonhard, *Das Erbe der Vielfalt: Die europäischen Empires und die Friedensverträge nach 1918*, in: *Zeitschrift für Staats- und Europawissenschaften* 3 (2012), S. 361-385.

² Woodrow Wilson, 'A Peace worth Preserving', Address to Congress on Essential Terms of Peace, 22nd January 1917, in: *Americanism: Woodrow Wilson's Speeches on the War, why he made them and what they have done, the President's principal Utterances in the first Year of War, with Notes, Comments and War Dates, giving them their historical Setting, Significance and Consequences, and with brief Quotations from earlier Speeches and Papers*, hg. von O. M. Gale, Chicago 1918, S. 22-28, здесь: S. 27.

³ Woodrow Wilson, 'Only One Peace Possible', Address to Congress Answering a Peace Offensive, 11th February 1918, containing the 'Four Points', in: *ibid.*, S. 103-109, здесь: S. 106.

понимании, оказавшейся способной столь эффективно противостоять находившимся под правлением авторитарных режимов великих держав континентальной Европы – Германской, Российской, Габсбургской и Османской империй. События, происходившие сразу после окончания войны, и фаза мирных переговоров 1918-1923 годов означали также и триумф национальной парадигмы, победу принципов нации, национальности и национального государства. Собственно суггестивная сила идентифицируемой, начиная с 1917 года, с американским президентом Вильсоном, реализации права на национальное самоопределение, как предпосылки установления прочного и справедливого мира, стала результатом этого нового для описываемого времени сочетания военного насилия, идеала равноправного соучастия и принципа национальной государственной независимости.

Однако в долгосрочном плане это сочетание не привело к окончанию всех будущих войн, и не оправдалась надежда на то, что, ценой пролития крови множества солдат союзных держав, *«эта война покончит со всеми войнами»*. Напротив, в результате претворения новых представлений в жизнь в Европе и за ее пределами возникли многочисленные новые формы культуры насилия и многочисленные случаи применения массового насилия – от гражданских войн и новых конфликтов между только что основанными новыми государствами до массового изгнания людей и массовых убийств по этническому признаку. Это продолжение войны другими средствами, пролонгация войны в мирное время, было характерно и для периода между двумя Мировыми войнами. Данное обстоятельство привело к общему снижению планки применения насилия, делая все более хрупкой границу между миром и войной.

Но было и нечто иное, отличавшее Парижские мирные переговоры от предыдущих мирных конференций Нового Времени – например, в Мюнстере и Оснабрюке (1648) или в Вене (1814-1815). 28 июня 1919 года в Зеркальном зале Версальского дворца произошла сцена, ставшая наглядным примером

эмоционального напряжения, царившего при подписании мирного договора, и того, насколько порядок, установившийся после подписания мира, был связан с моральными импликациями вины и ответственности. До того, как германскую делегацию ввели в зал, рядом со столом, за которым германские политики должны были безо всякого обсуждения подписать соответствующие документы, усадили пятерых французских солдат с изуродованными в результате тяжелых ранений лицами. Французский премьер-министр Клемансо дополнительно подчеркнул этот жест, молча пожав руки этим пятерым *cinq gueules cassés* (пяти изуродованным лицам). После заключения мира этим пятерым солдатам, запечатленным на сотнях тысяч иллюстрированных почтовых карточек, было суждено стать символом всех принесенных Францией жертв. Мало того! Они своими изуродованными лицами поистине дали войне собственное лицо, подчеркивая тем самым представление о том, что в войне повинны немцы.⁴

2. Система Парижских договоров: надежды на мир и расхождение интересов

В противоположность этому символическому продолжению войны, американский президент Вильсон подчеркивал, прежде всего, взаимосвязь между мирными договорами и необходимостью учреждения Лиги Наций. Ибо ее основание, как он подчеркнул после завершения мирных переговоров, пресечет в дальнейшем все опасности новой войны: «В начале этого великого договора стоит согласие Лиги Наций. Оно будет стоять и в начале договоров с Австрией, и с Венгрией, и с Болгарией, и договора с Турцией. Каждый из них получит одобрение Лиги Наций, ибо работа ни над одним из них не может осуществляться без согласия Лиги Наций. До тех пор, пока мы не сможем объединить общие силы великих правительств мира в деле одобрения этих договоренностей, они будут рассыпаться, как карточный

---

⁴ Jörn Leonhard, *Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs*, 5. Aufl. München 2014, S. 948-949, sowie im folgenden S. 939-978.

домик. Существует лишь одна сила, при помощи которой можно добиться освобождения человечества, и это – сила человечества. Это сила объединенных моральных сил мира, и в согласии Лиги Наций мобилизованы все моральные силы мира».⁵

Парижская мирная конференция была мероприятием невиданных до той поры масштабов. В ней приняли участие бесчисленные делегации и журналисты.⁶ На фоне войны она была лабораторией XX века, экспериментальным помещением по созданию международного порядка, основанного на глобальной открытости и на принципах коллективной безопасности.⁷ Вильсон сосредоточил свое основное внимание на Лиге Наций и на подчиненных ей подмандатных территориях, как на новых инструментах обеспечения коллективной безопасности, прочного и продолжительного мира. Устав Лиги Наций стал частью Версальского договора с Германской империей, а также всех прочих договоров, заключенных в предместьях Парижа. Первоначально в Лигу Наций вошли только страны-союзницы по Антанте, ассоциированные с ними страны и 13 нейтральных государств. В 1920 году Вильсон потерпел поражение в своих попытках добиться ратификации договора о вступлении в Лигу Наций США и, тем самым, добиться и самого вступления.⁸

С точки зрения Франции, выразителем которой был Клемансо, решающее значение имело недопущение новой угрозы со стороны Германии.

---

⁵ Woodrow Wilson, Rede vom 25. September 1919, zitiert nach: Marie-Louise von Plessen (Hg.), Idee Europa: Entwürfe zum "Ewigen Frieden". Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union, eine Ausstellung als historische Topographie. Katalogbuch zur gleichnamigen Ausstellung des Deutschen Historischen Museums, Berlin, zur Neueröffnung der Ausstellungshalle von I. M. Pei, 25. Mai bis 25. August 2003, Berlin 2003, S. 242.

⁶ W. V. Temperley (Ed.), A History of the Peace Conference of Paris, 6 Bde. (zuerst: 1920-1924), 2. Aufl. London 1964.

⁷ Manfred F. Boemeke, Gerald D. Feldman und Elisabeth Glaser (Hg.), The Treaty of Versailles, A Reassessment After 75 Years, Cambridge 1998; Gerd Krumeich (Hg.), Versailles 1919. Ziele – Wirkung – Wahrnehmung, Essen 2001; Zara Steiner, The Treaty of Versailles Revisited, in: Michael Dockrill (Hg.), The Paris Peace Conference, 1919. Peace Without Victory?, Basingstoke 2001, S. 13-33; Jean-Jacques Becker, La traité de Versailles, Paris 2002; Jeff Hay (Hg.), The Treaty of Versailles, San Diego 2002; Eberhard Kolb, Der Frieden von Versailles, München 2005; David A. Andelman, A Shattered Peace. Versailles 1919 and the Price We Pay Today, Hoboken 2008; Timothy Baycroft und Conan Fischer (Hg.), After the Versailles Treaty. Enforcement, Compliance, Contested Identities, London 2008; Alan Sharp (Hg.), The Versailles Settlement. Peacemaking After the First World War, 1919-1923, 2. Aufl. New York 2008.

⁸ Margaret Macmillan, Paris 1919. Six Months that Changed the World, New York 2003, S. 53-106.

Он считал необходимым любыми средствами не допустить восстановления германской мощи. Этим объяснялись требования провести новую франко-германскую границу по Рейну, а впоследствии заключение союзов с недавно возникшими государствами Восточной Европы. Для того, чтобы ограничить распространение Германии и на Востоке, Франция вступила с Польшей и Чехословакией в союз под названием «Малая Антанта». Французская позиция дополнялась требованиями репараций, направленных, прежде всего, на причинение Германии ущерба. Репарации должны были, с одной стороны, компенсировать понесенные Францией значительные жертвы и ущерб, с другой же – на долгое время ограничить рост экономической мощи Германии. Ллойд Джордж, выражавший интересы Великобритании, стремился, прежде всего, минимизировать глобальные позиции Германии. Это относилось к торговой конкуренции, флоту и колониям. Но одновременно британский премьер в так называемом «Документе из Фонтенбло», выдержанном в резко антибольшевистском духе, высказывался против долговременного ослабления или даже расчленения Германии. Он стремился сохранить Германию в качестве жизнеспособной континентальной державы – против угрозы большевизма, а также в качестве силы, способной гарантировать долгосрочное равновесие на европейском континенте.⁹

Все побежденные державы были исключены из участия в мирных переговорах. В заключение следует заметить, что с огромными ожиданиями в Париж прибыли и представители многих колониальных обществ Африки и Азии. Именно они очень надеялись на влияние американского президента и на то, что право народов на самоопределение будет признано в глобальном масштабе. Многочисленные предложения и обращения к руководившим конференцией европейским колониальным державам, исходившие, к примеру, от Первого Panaфриканского конгресса, движения *Молодой Алжир* или представителя Вьетнама Хо Ши Мина, были направлены на улучшение

---

⁹ Caroline Fink, *The Peace Settlement, 1919-1939*, in: John Horne, *A Companion to World War I*, Malden/Mass. 2010, S. 543-557.

политического положения колониальных владений, однако надежды последних, возлагаемые на конференцию, не оправдались.¹⁰

Версальский договор, содержащий 440 статей, 15 частей, приложений и дополнительных договоров, между союзниками и Германской империей был самым длинным и сложным на тот момент мирным договором в истории. Не считая утраченных колоний Германии, территориальные потери Германской империи составили 70 580 квадратных километров, на которых проживали 7,3 миллиона человек. К этому добавились ограничения в военной области, материальная компенсация и временная оккупация западной части страны. И, наконец, особенно тяжелыми были карательные положения договора. Победители требовали, в частности, выдачи им Вильгельма II и других лиц, объявленных военными преступниками, однако Германия впоследствии не выполнила эти требования. Статья 231 однозначно возлагала всю вину за развязывание Мировой войны на Германию и, на базе этого юридического обоснования, оправдывала требования выплаты ею репараций, поначалу не описанные подробно. Поэтому немецкие требования пересмотра положений договора были сосредоточены в основном на отмене данной статьи.

Если вспомнить о требованиях, предъявленных немцами к России по Брест-Литовскому мирному договору, уникальность «Версальского диктата», характерная для его восприятия подавляющим большинством немцев, покажется весьма относительной. Однако этот мирный договор ознаменовал собой разрыв с традицией мирных договоров Нового Времени, заключенных в 1648 и 1815 году. Произошел отказ от представлений о не рассматриваемом в качестве преступника *iustus hostis* (честном противнике) в пользу внесения в политику нотки морализаторства и возложения всей вины за развязывания войны лишь на одного из ее участников, да еще и проигравшего эту войну. Однако данный договор, в отличие от мая 1945 года, не означал

---

¹⁰ Erez Manela, *The Wilsonian Moment. Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism*, Oxford 2009, S. 141-175.

безоговорочной капитуляции Германии. С учетом этой перспективы его условия были, в зависимости от точки зрения, либо слишком жесткими, либо слишком мягкими. Германия рассматривала себя стигматизированной в моральном плане, но в то же время от нее не требовали отказа от своих претензий на роль европейской великой державы ни в политическом, ни в экономическом отношении. В отличие от мая 1945 года, страна после Второй Мировой войны по-прежнему обладала ресурсами для проведения реваншистской внешней политики. Что было отражением отнюдь не свободного от противоречий компромисса между державами-победительницами. Соответственно, договор был препятствием на пути к осуществлению французских планов превращения Германской империи в новый Рейнский Союз, т.е. к образованию мелких, независимых и зависимых от Франции государств в западной части Германии, в результате опыта двух войн – 1870 и 1914 года – и долгосрочного разгрома Германии как великой державы, став отражением англо-американского стремления к восстановлению в Европе обновленной системы континентального равновесия.¹¹

3. Наследие империй на европейском континенте: территориальная ломка и этническое насилие

Как же поступили со сложным наследием многонациональных империй после окончания войны, и какие это повлекло собой последствия в среднесрочной и долгосрочной перспективе?¹² Была признана законной, с точки зрения международного права, ликвидация монархии Габсбургов и Османской империи, закрепленная в договорах, заключенных в парижских предместьях и вступивших в силу в период с июня 1920 по июль 1921 года. Речь идет о договорах с Немецкой Австрией 10 сентября 1919 года в Сен-Жермен ан Лэ, с Болгарией = 27 сентября 1919 года в Нейи, с Венгрией – 4

---

¹¹ Leonhard, BÜchse der Pandora, S. 955.

¹² Leonhard, Das Erbe der Vielfalt, S. 361-385.

июня 1920 года в Трианоне, а также с Османской империей – 10 августа 1920 года в Севре. Отсутствовала только Советская Россия. Ибо, вопреки ожиданиям Вудро Вильсона и британского премьера Дэвида Ллойда Джорджа, Советский Союз^{(не}точность автора – Советский Союз был основан только в 1922 году – прим. перев.) не был представлен на Парижской мирной конференции. Результатом его отсутствия стал разделенный мир, который изначально не имел силы для всей Европы, полностью исключал обширные регионы Азии и, в связи с неравной реализацией, в значительной мере лишился веры людей в свою справедливость и законность. Внутренняя дестабилизация еще совсем юного Советского Союза, продолжавшего существовать в качестве полиэтнического, многонационального сообщества и в этом отношении представляла собой наследие царской державы, с самого начала подчеркивала ограниченность политики Вильсона, направленной на то, чтобы стабильность международных отношений в будущем основывались только на принципах права наций на самоопределения. В отличие от империи Габсбургов, многонациональная царская империя выжила после 1917 года, продолжив свое существование в виде Советского Союза.¹³ Поэтому Советский Союз в 1920-е годы столкнулся с той же проблемой, с которой монархия Габсбургов столкнулась в конце войны, а именно, с необходимостью взять на себя политическое руководство национальностями, обладающими политическим самосознанием. Советским ответом на этот вызов стало сочетание системы федерализма с господством жестко централизованной коммунистической партии.

При ликвидации монархии Габсбургов был фактически объявлен недействительным принцип национального самоопределения. Статья 1 Версальского договора закрепляла независимость Австрии и, тем самым,

---

¹³ Miron Rezun (Hg.), *Nationalism and the Breakup of an Empire. Russia and Its Periphery*, Westport 1992; Chris J. Chulos, *The Fall of an Empire, the Birth of a Nation. National Identities in Russia*, Aldershot 2000; Terry Martin und Ronald Suny, *A State of Nations, Empire and Nation-making in the Age of Lenin and Stalin*, Oxford 2001; Susanne Michele Birgerson, *After the Breakup of a Multi-Ethnic Empire. Russia, Successor States, and Eurasian Security*, Westport 2002; Nick Baron, *Homelands. War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia 1918-1924*, London 2004.

отменяла принятые Германией и Австрией решения об объединении двух стран в одно государство. Во Временной Конституции Немецко-Австрийской республики от 12 ноября 1918 года это государство сознательно и однозначно именовался составной частью Германской республики. Это решение было подтверждено австрийским Конституционным Собранием в марте 1919 года, а германское Национальное Собрание, в свою очередь, согласилось с этой констатацией 21 февраля 1919 года. В абзаце 2 статьи 61 Веймарской имперской конституции среди земель - членов рейхсрата (имперского совета, верхней палаты германского двухпалатного парламентарейхстага) – упоминалась и Немецкая Австрия. Однако после ратификации Версальского договора германское имперское правительство было вынуждено в сентябре 1919 года признать это решение не имеющим силы. Тот факт, что подавляющее большинство жителей некоторых австрийских федеральных земель, в которых были проведены соответствующие плебисциты – например, в Тироле и Зальцбурге – высказалось за присоединение (аншлюс) к Германии, ничего в данном плане не изменил.¹⁴

Таким образом, с исторической точки зрения, поставленный в 1815 и 1848 годах, но так и оставшийся без ответа вопрос о границах национального государства всех немцев, основанного в результате войн 1866 и 1870-1871 годов в виде уменьшенного, «малогерманско-прусского» национального государства, оказался, как бы, обойденным. Конфликт был отсрочен, а вот вера послевоенного германского и австрийского общества в справедливость мирных договоров была в кратчайшие сроки подорвана. Версальский и Сен-Жерменский договоры стали в глазах немецких и австрийских современников выражением «мира, навязанного силой», «не мира, а диктата». Впрочем, на то, в чем союзники в 1919 году отказали Германской и Австрийской республике в результате демократического процесса волеизъявления, им

---

¹⁴ Lajos Kerekes, *Von St. Germain bis Genf. Österreich und seine Nachbarn 1918–1922*, Budapest 1979; Isabella Ackerl und Rudolf Neck (Hg.), *Saint-Germain 1919. Protokoll des Symposiums am 29. und 30. Mai 1979 in Wien*, Wien 1989; Fritz Fellner, *Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem Ersten Weltkrieg*, in: Ders., *Vom Dreibund zum Völkerbund. Studien zur Geschichte der internationalen Beziehungen 1882-1919*, hg. von Heidrun Maschl und Brigitte Mazohl-Wallnig, Wien 1994, S. 19-82.

пришлось в 1938 году, в совершенно иных обстоятельствах, согласиться, как на результат акта военного насилия, совершенного Адольфом Гитлером. Тем самым союзники косвенно признали законность стратегии насильственного пересмотра и как бы *ex post* (лат.: задним числом – прим. перев.) признали и противоречивость договоров, заключенных в свое время в парижских предместьях. И потому в 1938 году Гитлер смог не только ставить себе в заслугу сокрушение договоров 1919-1920 годов, но и одновременно выставлять себя вершителем германской истории, восстановителем исторического единства Германской империи, стерев из сознания людей воспоминания об исторических моментах 1848 и 1918 годов.¹⁵

Как не менее жесткие, во внешнеполитическом плане, были восприняты и последствия для Венгрии заключения с этой страной Трианонского мирного договора.¹⁶ Подобно делегациям Германии и Австрии, венгерская делегация также не была допущена к реальным переговорам. В середине января 1920 года венгерское правительство просто получило сообщение об условиях мирного договора, глубоко возмущивших общественность Венгрии. По условиям Трианонского договора Венгрия лишилась не менее 71 процента территории, которой она обладала к началу войны. На этой территории к моменту начала войны проживало 63 процента населения Венгрии. Подобно австрийской части распавшейся Двуетной монархии, ее венгерская часть также была превращена, в результате мирных переговоров, в крайне ослабленное государство площадью не более 93 000 квадратных километров с 7,6 миллионами жителей.¹⁷

---

¹⁵ Leonhard, *Büchse der Pandora*, S. 958-959.

¹⁶ Carlile A. Macartney, *Hungary and her Successors. The Treaty of Trianon and Its Consequences 1919-1937*, Neudruck: London 1968 (zuerst: Oxford 1937); Yves de Daruvar, *Le destin drama-tique de la Hongrie. Trianon ou la Hongrie écartelée*, Paris 1989; Béla K. Király (Hg.), *Trianon and East Central Europe, Antecedents and Repercussions*, Boulder 1995; László Borhi, *Towards Trianon*, in: *Hungarian Quarterly* 41 (2000), S. 129-134; Tibor Hajdu, *La Hongrie dans les années de crise. Après la Première Guerre mondiale, 1918-1920*, in: *Guerres Mondiales et Conflits Contemporains* 50 (2001), S. 37-51 ; Ignác Romsics, *The Dismantling of Historic Hungary. The Peace Treaty of Trianon 1920*, Boulder 2002; Peter Pastor, *Major Trends in Hungarian Foreign Policy From the Collapse of the Monarchy to the Peace Treaty of Trianon*, in: *Hungari-an Studies* 17 (2003), S. 3-11.

¹⁷ Zoltán Kovács, *Border Changes and Their Effect on the Structure of Hungarian Society*, in: *Political Geography Quarterly* 8 (1989), S. 79-86.

И, наконец, то, как победители поступили с наследием Османской империи, высветило и сфокусировало все проблемы нового территориального и этнического устройства и возможной эмансипации новых народов из рамок порядка, определенного в 1920 году, как в зажигательном стекле. Однако в то же время ситуация Османской империи существенным образом отличалась от ситуации монархии Габсбургов. Различие заключалось, главным образом, в том, что насильственные конфликты, в которые была вовлечена Османская империя, уходили своими корнями в прошлое гораздо дальше, чем в 1914 год, а именно – в 1897 год, год начала войны против Греции - и в период двух Балканских войн (1912-1913 гг.). Положение было дополнительно осложнено также греческим вторжением в область Измира (Западная Анатолия) в мае 1919 года и серьезными внутривосточными беспорядками в разных частях страны.

Эта вполне очевидная внутренняя дестабилизация явилась, с одной стороны, выражением дезинтеграции Османской империи, значительно ускорившейся вследствие территориальных потерь, понесенных ею в Юго-Восточной Европе. С другой стороны – и это после 1918 года стало решающим фактором – данная продолжающаяся кризисная ситуация послужила катализатором и способствовала приобретению турецким национализмом, в его внутри- и внешнеполитическом аспекте, особо радиального характера. Условия Мудросского мирного договора, заключенного в октябре 1918 года, фактически положили конец существованию Османской империи.¹⁸ Но в глазах руководящих представителей турецкого национального движения это лишь подчеркивало необходимость любой ценой добиться пересмотра установленного в Париже послевоенного порядка. С учетом данных обстоятельств образование турецкого национального государства произошло в форме акта сопротивления миру на выдвинутых союзниками условиях, содержащихся в

---

¹⁸ Ahmed S. Ahmedov, Les antagonismes interalliés sur les problèmes turcs après l'armistice de Moudros jusqu'au traité de Sèvres, in: Etudes Balkaniques 19 (1983), S. 27-48.

Севрском договоре, предусматривавших значительное сокращение территории Турции.¹⁹

Когда войска союзников заняли Константинополь и в марте 1920 года были обнародованы планы дальнейшего территориального расчленения Анатолии, а также роспуска османского парламента, Генеральный инспектор османских войск Мустафа Кемаль, получивший впоследствии прозвище Ататюрк («Отец турок»), взял инициативу на себя и созвал в Анкаре новое Национальное Собрание, призванное разработать основы будущего турецкого национального государства. В то же время руководители турецкого национального движения понимали, что проводимая ими политика, направленная против условий мира, выдвинутых союзниками, нуждается во внешнеполитической поддержке. В попытке добиться пересмотра Севрского мирного договора, заключенного в августе 1920 года, турки попытались интенсифицировать сотрудничество с большевицкой Россией, исключенной из договоров, подписанных в парижских предместьях.

В то время как султанское правительство подписало Севрский договор, турецкие националисты из окружения Ататюрка, отказались его признавать. Новое сотрудничество между будущими руководителями Турецкой республики и советской Россией нашло свое выражение в договоре о дружбе и братстве, заключенном в марте 1921 года, который, с точки зрения советского государства, был дополнен Рапалльским договором, заключенным им с Германией в 1922 году. В данном случае система Парижских договоров была успешно подорвана ударом, нанесенным из периферии.²⁰

---

¹⁹ A. E. Montgomery, *The Making of the Treaty of Sèvres of 10 August 1920*, in: *Historical Journal* 15 (1972), S. 775-787; Paul C. Helmreich, *From Paris to Sèvres. The Partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919-1920*, Columbus 1974; Werner Zürer, *Der Friedensvertrag von Sèvres. Ein kritische Beitrag zur Problematik der Neuordnung des nahöst-lichen Raumes nach dem Ersten Weltkrieg*, in: *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* 25 (1974), S. 88-114; Hristo Andonovski, *The Sèvres Treaty for Macedonia and the Macedonians*, in: *Macedonian Review* 11 (1981), S. 274-278; A. L. Macfie, *The Revision of the Treaty of Sèvres. The First Phase (August 1920-September 1922)*, in: *Balkan Studies* 24 (1983), S. 57-88.

²⁰ Keith Neilson, *Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939*, Cambridge 2006.

Добившись, наконец, в июле 1923 года в Лозанне ликвидации Севрского договора, предусматривавшего создание свободной Армении, Турецкой республике была возвращена соответствующая территория. Затем Турецкая республика силой подавила в 1925 году курдское повстанческое движение, а с 1927 года начала проводить массовое насильственное переселение курдов.²¹ Таким образом, Турция, создав собственное национальное государство и действуя насильственными методами, успешно вырвалась из системы договоров, заключенных в пригородах Парижа. Этот процесс мог бы послужить наглядным примером масштабов, которые принимало продиктованные этническими соображениями насилие и репрессии, от изгнания, насильственного переселения и размена населения – как, например, в начале 1920-х годов, когда 2,35 миллионов греков были изгнаны из Турции и, в то же время, 400 000 мусульман – из Греции, в результате чего Северная Греция фактически обезлюдела – до массовой резни и возведения насилия в систему геноцида. Массовые убийства стали ответом на вопрос о путях решения проблемы этнической разнородности в только что созданном новом национальном государстве, подражавшем западным образцам. С другой стороны, успешное освобождения от порядка, созданного Парижскими мирными договорами, привело к тому, что Турция после 1927 года не предпринимала дальнейших попыток пересмотра своих границ и, следовательно, осталась нейтральной во Второй Мировой войне.

4. Продолжение войны средствами идеалистического государственного искусства? Непрочные государства с многочисленными меньшинствами и недостаточная защита меньшинств

Стратегия, которой политические деятели и дипломаты союзников руководствовались изначально, заключая в парижских предместьях договора

---

²¹ Arthur Beederian, L'échec d'une percée internationale. Le mouvement national arménien (1914-1923), in: Relations Internationales (1982), S. 351-371; Richard G. Hovannisian, The Republic of Armenia, Bd. 3: From London to Sèvres, February – August 1920, Berkeley 1996.

с побежденными, была направлена на то, чтобы основывать на территории бывших многонациональных великих держав новые национальные государства и, путем широких уступок территорий побежденными державами и присоединения уступленных теми территорий к новым национальным государствам, создать новый стабильный государственный порядок. Наиболее масштабно эта стратегия была применена к Центральной, Центрально-Восточной и Юно-Восточной Европе, поскольку именно там были особенно ярко выражены многонациональные структуры и одновременно, вследствие распада империй, образовался вакуум политической власти и государственных форм. Наряду с воссозданием прежних государств и расширением их территорий, были созданы и многочисленные совершенно новые государства. Так, в качестве новых, признанных в соответствии с международным правом, независимых государств возникли Финляндия, Эстония, Литва, Чехословакия и Югославия, созданная, под главенством Сербии, из территорий Словении, Хорватии, Сербии, Боснии-Герцеговины и Черногории.²²

Польша была воссоздана в качестве самостоятельного государства и расширена за счет присоединения территорий Польской Литвы, Волыни, Восточной Галиции, Западной Галиции, части Верхней Силезии, а также Позена (по-польскиб Познани = прим. перев.) и Западной Пруссии. Румыния получила Семиградье (Трансильванию – прим. перев.), Бессарабию и небольшие территории, расположенные южнее Галиции. И, наконец, в августе 1921 года Албания была признана Италией в качестве самостоятельного государства. Эти масштабные территориальные уступки, которыми сопровождался распад многонациональных великих держав – монархии Габсбургов и Османской империи – изменили политическую карту Европы сильнее и основательней, чем все предыдущие мирные договора европейской истории Нового Времени.

---

²² James Evans, *Great Britain and the Creation of Yugoslavia. Negotiating Balkan Nationality and Identity*, London 2008.

Однако в результате многочисленные проблемы национальных меньшинств остались так и не решенными. Мало того, во многих случаях они только обострились. О договорах, заключенных в предместьях Парижа, особенно же – о Версальском договоре, можно сказать, что связанные с ними большие ожидания не оправдались и, после того, как иллюзии относительно возможности получить ожидаемое развеялись, наступило горькое разочарование. Казалось, что политики продолжают вести войну, хотя и другими средствами. Все эти структурные проблемы усугублялись масштабными передвижениями беженцев и мигрантов, начавшимися в конечной фазе войны. Только после Октябрьской революции в России из страны только в Германию бежало примерно 600 000 человек. Решение многочисленных вопросов не в пользу проигравших – прежде всего, Германии, Австрии и Венгрии, а поначалу также Османской империи – в глазах многих современников подрывали веру в справедливость всего порядка, установленного в рамках мирных договоров. В результате возникли сразу две проблемы: оказалось не возможным распутать, при помощи введенной Вудро Вильсоном формулы права наций на самоопределение, сложные и частично не поддающиеся распутыванию этнические «гордиевы узлы», связанные с национальной чересполосицей. В то же время творцы Парижских договоров доверяли бывшим национальным меньшинствам (получившим теперь национально-государственную независимость) и ожидали от них успехов в деле создания стабильных во внешнеполитическом отношении государств с демократическим внутренним устройством. Эти ожидания оказались иллюзорными, во всяком случае, что касается большинства государств, возникших в Центральной и Юго-Восточной Европе в период между двумя Мировыми войнами. Полной противоположностью нестабильным государственным образованиям типа Югославии оказался пример турецкого национального государства. Его пример наглядно продемонстрировал, что мотивированное этническими соображениями применение насилия – от переселения до систематического

геноцида, включая запрограммированное массовое вымирание и массовые убийства – могло оказаться успешным средством распутывания этнических «гордиевых узлов», в случае, если государство обладает достаточным могуществом и может обеспечить свою внешнеполитическую безопасность. В случае Турции проявился еще и дополнительный фактор: она обладала давним историческим опытом обоснованного этническими и религиозными соображениями применения насилия, в особенности по отношению к армянам.²³

Парижские договоры оказались не способными решить проблемы национальных меньшинств.²⁴ Эти проблемы продолжали существовать не только в России, воссозданной в виде Советского Союза. Многие из созданных новых государств представляли собой отнюдь не однородные национальные, а разнородные многонациональные государства.²⁵ Поэтому снова и снова затрагиваемая всеми политическими деятелями Германии, начиная с 1919 года, проблема зарубежных немцев была отнюдь не исключением, а правилом, на многих территориях. Так, в небольшой итальянской провинции Венеции-Джулии проживало более 500 000 словенцев. На примере Чехословакии особенно наглядно виден многонациональный характер этого нового государства: по состоянию на 1938 год его население составляло почти 15 миллионов человек, из которых 43 процента составляли чехи, 22 процента – словаки, 23 процента – немцы, пять процентов – венгры, три процента – украинцы, четыре процента – евреи. Таким образом, проблема, вызвавшая, наряду с другими проблемами, в 1914 году войну, вовсе не исчезла, ее решение было, в лучшем случае, отсрочено. Следовательно, лейтмотив национального гнета, угнетенной национальности, известный еще со времен итальянского «ирредентизма», не исчез из политического дискурса, а наоборот, только обострился, как тенденция. Так,

---

²³ Leonhard, BÜchse der Pandora, S. 964.

²⁴ James J. Sheehan, The Problem of Sovereignty in European History, American Historical Society Presidential Address 2005, in: The American Historical Review 111 (2006), S. 1-15.

²⁵ Dieter Langewiesche, Reich, Nation, Föderation. Deutschland und Europa, München 2008, S. 97.

и Густав Штреземан в 1925 году упоминал в письме германскому кронпринцу, что «от десяти до двенадцати миллионов наших соплеменников [...] проживающих ныне под чужеземным игом в чужих странах».²⁶

Следовательно, ликвидация двух из трех континентальных великих империй – монархии Габсбургов и Османской империи – привела не к решению проблемы национальностей, но к ее многократному обострению, в результате переноса данной проблемы с уровня империй на уровень новых многонациональных государств. Однако здесь данная проблема столкнулась с обретшими радикальный характер представлениями титульной нации о собственной национальной исключительности, которые совершенно исключали создание конфедеративных структур, *Commonwealth* (содружества, обеспечивающего общее благо – прим. перев.) проживающих в одном государстве народов или хотя бы эффективную защиту национальных меньшинств. Миграция в другие страны, как в XIX веке, больше не являлась выходом из положения, поскольку Соединенные Штаты после 1918 года значительно ограничили трансатлантический экспорт человеческих ресурсов, представлявший собой классическое европейское средство обращения с изгнанными. В результате возник новый массовый феномен - лица без гражданства, которые, до введения в 1922 году «нансеновского паспорта» - документа, удостоверяющего личность не имевших гражданства беженцев и эмигрантов, по настоянию комиссара Лиги Наций по делам беженцев Фритьофа Нансена, жили безо всякой защиты закона, изгнанные со своих прежних мест проживания, не пользующие гостеприимством и не признанные, там, куда вынуждены были переселиться.

Хотя союзные державы-победительницы обсуждали в 1919 году вопрос обеспечения всеобъемлющей защиты всех меньшинств, включая их гражданское равноправие, право на свободу отправления религиозного

---

²⁶ Horst Möller, *Europa zwischen den Weltkriegen*, München 1998, S. 35; Paul Lendvai, *Sprengstoff im gemeinsamen Haus. Nationalitätenkonflikte in Osteuropa*, in: *Europäische Rundschau* 2 (1991), S. 17; Hagen Schulze, *Staat und Nation in der europäischen Geschichte*, München 1994, S. 294-295.

культы, культурную автономию и, соответственно, использование и изучение родного языка, они, в конечном итоге, отказались от ее реализации, как могущей иметь необозримые последствия для унаследованной от XIX века идеи и практики государственного суверенитета. Защита меньшинств вошла лишь в отдельные мирные договора или двусторонние соглашения, однако в Уставе Лиги Наций она, как таковая, особо оговорена не была. Однако, вследствие этого, возникли пространства для применения новых форм этнически мотивированного насилия. Влиятельный британский дипломат и политический деятель Джеймс Хедлэм-Морли заметил по этому поводу в своих воспоминаниях о переговорах в Париже в 1919 году: «Первоначально, если мне не изменяет память, было предложено ввести в Устав Лиги Наций нечто вроде общей оговорки, дающей ей право защищать меньшинства в странах – членах Лиги. Я всеми силами противился данному намерению [...] ведь его осуществление означало бы право вмешательства во внутренние дела других государств. Лига Наций была бы авторизована защищать китайцев в Ливерпуле, протестантов во Франции, французов в Канаде, не говоря уже о гораздо более серьезных проблемах, которые ей пришлось бы решать, например, в Ирландии. Полагаю, это мнение почти не встретило ничьих серьезных возражений, не считая, возможно, негосударственных организаций, желавших видеть в Лиге Наций некое сверхгосударство, способное стоять повсюду в мире на защите демократии и свободы. [...] Я же придерживался позиции, что каждое из предоставленных Лиге Наций прав должно быть четко обрисовано и, кроме того, основываться на особых договорах, имеющих своим предметом совершенно определенные исключительные случаи. Такое право можно представить себе разве что в отношении новых или незрелых государств в Восточной Европе или в Западной Азии. Даже если в других местах будут иметь место несправедливость и угнетение, это все-таки лучше, чем создание норматива, сводящего на нет суверенитет любого государства в мире».²⁷

---

²⁷ Zitiert nach: Mark Mazower, *Der dunkle Kontinent. Europa im 20. Jahrhundert*, Berlin 2000, S. 92; Patrick O.

С учетом своего опыта участия в европейской мирной конференции американский президент Вильсон, явно утративший свои иллюзии, возвратившись в Соединенные Штаты, заявил американскому сенату: «Когда я произносил эти слова («что все народы обладают правом на самоопределение»), то делал это, не зная о существовании всех тех национальностей, представители которых приходят к нам день за днем [...] Вы не знаете и не можете себе представить, какой страх мне пришлось пережить, ибо многие миллионы людей питали надежды на основании того, что я сказал».²⁸ Утрата Вильсоном иллюзий была отражением опыта его ознакомления со сложными случаями этнической чересполосицы в восточной и юго-восточной части Европейского континента, значение которых было недооценено политиками – творцами Парижских мирных договоров – поскольку они не укладывались в рамки формулы «национального самоопределения». Непоследовательное и противоречивое, на практике, использования права народов на самоопределение усугубляло эту проблему. Из территориальной массы, унаследованной от европейских континентальных империй, возникли не однородные национальные, а сложные по этническому составу многонациональные государства, чья внутренняя и внешняя стабильность в существенной степени зависела от их отношения к своим меньшинствам, в чем можно убедиться на примере сложных вопросов лояльности в Чехословацкой республике периода между двумя Мировыми войнами.²⁹ Вместо этого перманентно развивался потенциал насилия, который мог быть в любое время мобилизован извне. Его развитие шло рука об руку с разработкой сценариев агрессивной интервенции.³⁰

Cohrs, *The Unfinished Peace After World War I. America, Britain and the Stabilisation of Europe, 1919-1932*, Cambridge 2006.

²⁸ Zitiert nach: Manela, *The Wilsonian Moment*, S. 215.

²⁹ Martin Schulze Wessel (Hg.), *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik 1918-1938. Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten*, München 2004.

³⁰ A. Lentin, *Decline and Fall of the Versailles Settlement*, in: *Diplomacy & Statecraft* 4 (1993), S. 358-375.

5. «Ипотеки» мира: бремя ожиданий и утрата иллюзий

Результатом Парижских мирных переговоров стал сложный компромисс между разочарованными победителями, а не между победителями и побежденными, что следует особо подчеркнуть. В конечном итоге, он не удовлетворил ни тех, кто выиграл войну, ни тех, кто ее проиграл. Историки с полным основанием подчеркивали, что, по сравнению с другими мирными договорами, имевшими историческое значение, с учетом необозримого количества нуждавшихся в слове отживших представлений и нуждавшихся в ответе новых вызовов, попытка установления всеобщего мира была сама по себе великим достижением. В исторической перспективе Парижские договора, заключенные после 1918 года, стали завершением великую эпоху мирных договоров, при заключении которых решающую роль играли европейские дипломаты. В отличие от Меттерниха, Талейрана и Гарденберга в 1815, или от Бисмарка, Дизраэли и Горчакова в 1878 году, политические игроки после 1918 года уже не действовали в качестве изолированной элиты, под покровом дипломатической тайны. Вильсон, Клемансо и Ллойд-Джордж, но также германская, австрийская, венгерская, турецкая и итальянская делегации должны были сообщить результаты переговоров общественности своих стран. Это превратило выборы после 1918 года в квази-плебисциты, в ходе которых в ожиданиях и позициях современников война продолжалась и после заключения мира. Сказанное относится в первую очередь к тем обществам, для коллективного сознания которых было характерно представление, что их лишили плодов победы или, во всяком случае, справедливого мира. В результате возник латентный, как внешнеполитический, так и внутривнутриполитический белицизм (белицизм (фр. Bellicisme) — идея о том, что война благородна, и может быть очищающей – прим. перев.), нашедший свое отражение в разработке сценариев насильственных действий – от гражданской войны, террора в отношении мнимых изменников, интервенции, попытках окружить и уничтожить

внутренних врагов, до идеологически, а впоследствии – расистски обоснованных экспансионистских войн на уничтожение.³¹

Однако лейтмотивом во всех случаях оставалась поначалу необходимость освобождения угнетенных национальностей и, таким образом, пересмотра Парижских договоров. Латентное насилие, мышление в парадигмах войны были наследием недостаточного преодоления последствий войны в 1918 году. Однако глубина пропасти между идеалистическим государственным искусством и обещаниями коллективной безопасности, с одной стороны, и развязанным в реальности этническим насилием указывала еще и на другую дилемму. Апелляция к нации и принцип национального самоопределения провоцировали в эпоху политически-идеологических массовых рынков коллективные ожидания, все более сужавшие эффективные возможности и пространства политического маневра. В то время как динамично развивались представления о том, что осуществимо, и связанные с этим ожидания, вследствие сложности практической реализации этих представлений и ожиданий, сужалось пространство для эффективных политических действий. Тотальное и идеологически узаконенное насилие в области внутренней и внешней политики стало представляться возможным и допустимым путем к преодолению данного паралитического соотношения сил. Наглядным примером этой дилеммы и развязывания насилия в качестве ответа на нее послужили мирные договоры, заключенные после 1918 года, и их последствия.

По сравнению с другими послевоенными порядками, установленными, например, в 1763 году после окончания Семилетней войны, в 1815, 1871 и 1945 годах, установленный в 1919 году послевоенный порядок оказался самым непродолжительным. Парижские договоры привели к ликвидации господства пентархии (пятивластия) великих держав. Германская империя и Россия были первоначально исключены из нового послевоенного порядка.

---

³¹ Jörn Leonhard, *Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten 1750-1914*, München 2008, S. 835-836.

Монархия Габсбургов была ликвидирована. Франция и Великобритания могли считаться державами, одержавшими весьма сомнительную победу, поскольку обе страны были крайне истощены в экономическом и демографическом отношении. Только Франция безоговорочно поддерживала договор, в то время как США, очень рано устранившись, выпали в качестве сильного политического партнера. В конгрессе этой страны образовалась внутривластная оппозиция под руководством сенатора Генри Кабота Лоджа, ссылавшаяся на традиции изоляционизма, которых США придерживались, начиная с XVIII века, и задававшая полемический вопрос, стоит ли использовать собственных солдат для защиты интересов иностранных держав. Сам Лодж, впрочем, выступал скорее за необходимость нового, уточненного определения баланса сил, настаивая на участии Конгресса в принятии решений о выполнении американскими войсками миссии за рубежом. Дело дошло до конфронтации только после того, как Вильсон отклонил любые попытки внести в договор изменения. Вильсон возвратился в США и объездил всю страну, проделав за три недели путь протяженностью более чем в 10 000 миль, чтобы произнести более 40 речей, пытаясь мобилизовать массы на поддержку договора. Вместо того, чтобы попытаться найти возможность компромисса, он, склонный к догматическому мышлению, сузил свободу маневра для соответствующих переговоров. У Вильсона случился инсульт, но консультанты из его окружения скрыли заболевание президента от общественности. Однако после инсульта возможность Вильсона участвовать в политических дискуссиях стала крайне ограниченной. Сенат отказался ратифицировать договор, поэтому США пришлось в 1921 году заключить отдельные договора с Германией, Австрией и Венгрией.³²

Таким образом, по сравнению с мирным порядком 1815 года, многие участники были ущемлены, исключены или вообще больше не существовали.

---

³² Jennifer D. Keene, The United States, in: Horne (Hg.), A Companion to World War I, S. 508-523, hier: S. 519-520.

Вопреки критическому восприятию Версальского договора в Германии, позиция последней была относительно укреплена результатами мира. Что касается роли России и монархии Габсбургов как самостоятельных актеров на международной арене, то первая была надолго выведена из игры, а вторая распалась. К тому же, если сравнивать ситуацию с ситуацией 1815 года, Германия на этот раз не была ослаблена государственно-правовой конструкцией Германского Союза. В 1919 году ее политическое и экономическое единство как государства не было поставлено под вопрос, и, несмотря на поражение в войне, она осталась в числе решающих игроков на Европейском континенте.

Слабым местом договоров, заключенных в предместьях Парижа, было заложенное в них принципиальное представление, что эти договора будут признаны как таковые всеми государствами. Однако Турция и Китай сразу же поставили их под вопрос. Германия и Венгрия проявили готовность ратифицировать эти договора лишь под массированным давлением, после чего сосредоточили свои усилия на их пересмотр в будущем. Когда же 10 января 1920 года Версальский договор вступил, наконец, в силу, сразу же возникли сомнения в том, будет ли он одобрен Америкой. Именно политическое уклонение Соединенных Штатов в немалой степени повредило делу легитимации всего комплекса Парижских договоров. Дело дополнительно осложнили конфликты между остальными победителями: в то время, как США перестала играть политическую роль, итальянское руководство преследовало свои собственные национальные цели, почти не проявляя интереса ни к каким другим вопросам. С другой стороны, Франция и Великобритания оказались вовлеченными во всякого рода конфликты, связанные с самыми разными вопросами – от судьбы германских подводных лодок, реализации положений договора в Силезии и в Турции до вопроса уплаты репараций Россией. В результате возникла целая культура повсеместной временности и нестабильности. О конкретном претворении в жизнь мирного договора и его положений делегации думали мало, особенно

с учетом того обстоятельства, что значительная часть населения многих стран – таких, как Германия, Венгрия, Польша, Турция, резко отвергали результаты мирных договоров. Очень скоро выяснилось, что гарантировать мир будет так же трудно, как и добиться победы в войне.³³

Так временный характер комплекса мирных договоров начал во все большей степени становиться его наиболее характерной особенностью. Маршал Фош признал, что речь идет не о мире, а, в лучшем случае, о перемирии на 20 ближайших лет. Хотя неизбежность новой войны ни в коем случае не была предопределена нарастающим с 1914 года насилием, после заключенных в предместьях Парижа договоров остались неурегулированными многие проблемы и ни в коей мере не были ликвидированы причины, приведшие к войне в 1914 году. Это стало совершенно очевидным, в особенности, в области проблем, связанных с меньшинствами, возникших в новых национальных государствах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. О каком-то стабильном порядке, обеспечивающем коллективную безопасность при помощи санкций, применяемых к агрессору, не могло быть и речи. Опыт тотальной войны нисколько не повлиял на представление о войне, как вполне законном политическом средстве. В конце концов, даже Ллойд Джорджу и Клемансо пришлось согласиться с тем, что мирные договора не смогли стать завершением усилий, направленных на обеспечение мира, но лишь ознаменовали собой начало пути к гарантированному, надежному миру. Однако для них оставалось совершенно не ясным, во что эти договора будут превращены политическими деятелями, которые придут им на смену. Сравнивая Парижскую мирную конференцию 1919 года с Венской мирной конференцией 1814-1815 годов (имеется в виду Венский конгресс, ознаменовавший собой завершение эпохи Наполеоновских войн – прим. перев.), он пришел к следующему выводу: «Тогда было необходимо урегулировать проблемы Европы. На это потребовалось одиннадцать

---

³³ Sally Marks, *The Illusion of Peace. International Relations in Europe, 1918-1933*, Basingstoke 2003, S. 27-28.

месяцев. Но проблемы, решавшиеся на Венском Конгрессе, кажутся смешными по сравнению с проблемами, которые нам приходилось решать на Парижской конференции. Речь шла уже не об одном отдельно взятом континенте, а о проблемах, затрагивавших каждый континент».³⁴

Частью наследия войны стала и напряженность между национализмом и интернационализмом.³⁵ После начала войны все европейские воюющие государства сделали, в своем стремлении приобрести союзников, ставку на принцип нации и национального государства. Во всех этих случаях государства и национальности, вовлекаемые в войну как союзники, в качестве условия своего вступления в войну, выдвигали территориальные требования.³⁶ Обещанные им территориальные приращения провоцировали появление противоречивых, противоположных ожиданий. Они надеялись, что те, кто обещал им эти приращения, не смогут после окончания войны взять свои обещания назад. Так в ходе Первой Мировой войны возникли не только социальные и политические надежды многих государств на вознаграждение за свое участие в войне, в многонациональных обществах великих империй возникли большие национально-политические ожидания. Именно этим объяснялись деятельность Томаша Масарика в лондонской эмиграции, поддержка Германией украинских и финских националистов, конкуренция Германии и России в борьбе за получение поддержки от поляков в ответ на обещанную полякам широкую национальную автономию, поддержка Лондоном и Парижем палестинских и арабских освободительных движений, боровшихся против Османской империи, но также и страх британцев перед османской стратегией, направленной на то, чтобы взбунтовать индийцев против британского владычества.³⁷

---

³⁴ Zitiert nach: Sharp, *The Versailles Settlement*, S. 205.

³⁵ Leonhard, *Büchse der Pandora*, S. 1009-1012.

³⁶ Michael E., Esch *Zur historischen Verortung von „ethnischer Säuberung“ und Völkermord*, in: Mathias Beer, Dietrich Beyrau und Cornelia Rauh (Hg.), *Deutschsein als Grenzerfahrung. Minoritätenpolitik in Europa zwischen 1914 und 1950*, Essen 2009, S. 15-34, hier: S. 27-28.

³⁷ Jörn Leonhard, *Wie legitimieren sich multiethnische Empires im langen 19. Jahrhundert?*, in: Herfried Münkler und Eva Marlene Hausteiner (Hg.), *Die Legitimation von Imperien. Strategien und Motive im 19. und 20. Jahrhundert*, Frankfurt/Main 2012, S. 70-93.

После войны была претворена в жизнь модель этнически-национального государства, хотя в большинстве случаев оказалось невозможным провести четкие этнические границы межд. В результате возникли сложные проблемы, связанные с меньшинствами. В первую очередь это относилось к немецкоязычным меньшинствам в государствах Восточной и Центральной Европы, превратившимся, начиная с 1920-х годов, в решающий фактор внешней политики Германии и ее усилий, направленных на пересмотр Версальской системы. Основание в Восточной и Центральной Европе новых государств опиралось на вильсоновскую предпосылку права народов на самоопределение, но в то же время в этих новых государствах существовали большие этнические группы, не причислявшие себя к титульной нации новых государств или же, наоборот, не считались этой титульной нацией своей частью. Таким образом, все более явная этнизация идеи государственности сопровождалась недостаточной защитой прав меньшинств, ибо новые национальные государства рассматривали касавшиеся защиты прав меньшинств оговорки договоров, заключенных в парижских предместьях, как неприемлемые попытки покушения на свой только что вновь обретенный суверенитет.

Мирный порядок под лозунгом обеспечения права наций на самоопределения и демократии, с которой Вильсон связывал так много надежд, оказался очень хрупким. Национальное государство не стало участником системы коллективной безопасности, Интернационал Сохранения Мира остался химерой. В качестве форума политики безопасности Лига Наций потерпела неудачу, поскольку она ни разу за всю свою историю не смогла выступить в качестве применяющего санкции противовеса исходящим от национальных государств агрессии и реваншу. Отказав поначалу в приеме побежденным государствам, Лига прямо-таки провоцировала проведение политики, направленной на ревизию итогов войны, в иных формах. Но осталась не реализованной и другая международная, интернационалистическая утопия. Созданный после войны Коммунистический Интернационал возник не в

качестве стабилизирующего учреждения международной классовой солидарности, а в качестве орудия идеологической поляризации общества в европейских странах и во всемирном масштабе. Тем не менее, невозможно не заметить импульс, данный войной, в плане интернационализации проблем. Сказанное относится, например, к проблеме беженцев и военнопленных, их реинтеграции и репатриации. В Восточной Европе в 1918 году более миллиона военнопленных столкнулись с тем фактом, что их родное государство попросту больше не существует, а возникшие на его месте новые государства-преемники не желали или были не в состоянии позаботиться об их освобождении и репатриации. Эти вопросы выходили за пределы границ новых национальных государств, так что деятельность Лиги Наций и других международных организаций – например, Красного Креста - осуществлялась именно в данном контексте.³⁸

Однако гораздо важнее осознания того, что последствия войны могут быть преодолены только путем интернационального, международного сотрудничества, было нечто иное, а именно – утопическое измерение интернационализма как окончательного средства покончить с войной. Анри Барбюс, автор беспощадной книги о войне „Le feu“ (Огонь), подчеркивал в 1918 году: «Человечество вместо нации. В 1789 году революционеры провозгласили: ‚Все французы равны .‘ Мы говорим: ‚Все люди!‘ Равенство требует общих правил для всех людей на земле».³⁹ Эта фраза, эта надежда на то, что мировая война со всеми своими чудовищными жертвами, была не напрасной, поскольку она создала новый внутренний мировой порядок, в принципе, не утратила своей нормативной претензии до сего дня. Однако никто не возьмется утверждать, что человечество, несмотря на все свое уплотнение, действительно стало субъектом действий – фундаментальным опытом XX века была доказана беспочвенность надежд, возлагавшихся

---

³⁸ Leonhard, BÜchse der Pandora, S. 1010-1011. Henri Barbusse, Der Schimmer im Abgrund. Ein Manifest an alle Denkenden, dt. Ausgabe von Iwan Goll, Basel o.J., S. 60.

³⁹ Henri Barbusse, Der Schimmer im Abgrund. Ein Manifest an alle Denkenden, dt. Ausgabe von Iwan Goll, Basel o.J., S. 60.

повсюду в мире на то, что может быть «война, которая покончит со всеми войнами». Превращение прежней плюралистической, направленной на создание новых государств, внешней политики в новую, «мировую, всемирную внутреннюю политику» свидетельствует о том, что проблемы оказались перенесенными на иной уровень, но все еще не решенными. Там, где в прошедшие эпохи велись войны между государствами, сегодня развязываются все новые гражданские войны. Это по сей день не означает прекращения насилия. Совсем наоборот.

Prof. Dr. Egbert Jahn

Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt am Main

Fachbereich 03 Gesellschaftswissenschaften

Institut für Politikwissenschaft

Theodor-W.-Adorno-Platz 6

D-60629 Frankfurt

Tel.: +49-69-798 36658

E-mail: e.jahn@soz.uni-frankfurt.de

<http://www.fb03.uni-frankfurt.de/46500384>

При цитировании ссылка на работу необходима.